

Б.Н. ЧИЧЕРИН И М. Н. КАТКОВ О ПОЛЬСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ВОССТАНИИ 1863–1864 ГГ. В ПЕРИОД ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ С ЕВРОПОЙ

**B.N. CHICHERIN AND M.N. KATKOV
ABOUT THE POLISH NATIONAL
UPRISING OF 1863–1864 IN THE PERIOD
OF DIPLOMATIC CONFRONTATION
WITH EUROPE**

V. Hegay

Summary. In the difficult history of relations between Russia and Poland, complicated by the Three partitions of Poland, (22 September 1772, 23rd January 1793, and 24th October 1795), holds a special place in Polish national uprising that took place in 1863 and 1864. However, some conflicts of insurgents with Imperial troops lasted until 1866 largely because of the division by Russia, Austria and Prussia, Polish lands "... in the early nineteenth century arose the "Polish question" as the main destructive factor in the national sphere of the Russian Empire" (16, p. 151). The hope of most of the leaders of the Polish rebels for European intervention in Russian politics clearly demonstrates their ultimatum-separatist line against St. Petersburg. The work of the revolutionary Democrats and European monarchs was positioned, along with the aggression of the rebels, as the main threat to the territorial integrity of the Empire (1). At the same time, in the USSR, scientists condemned the actions of tsarism against Polish separatists and defended the theory of the Russian-Polish insurgent brotherhood (7; 11). The activities of the Western European allies to protect the interests of the Kingdom of Poland were assessed as selfish, not conducive to the victory of the rebels over Russia. In modern Russian historiography, the analysis of certain aspects of the Polish uprising is characterized, in our opinion, by a kind of "pre-Revolutionary-Communist" symbiosis, diversity of judgments in assessments (12; 13, p. 9–32; 14; 15; 17).

Keywords: Polish uprising, B. N. Chicherin, M. N. Katkov, conservatives, liberals, "Polish question", Europe, diplomatic war.

Хегай Виктор Климентович

Педагог дополнительного образования, Российский
Университет Дружбы Народов
khegay81@mail.ru

Аннотация. В непростой истории взаимоотношений России и Польши, осложнённой Тремя разделами Речи Посполитой (22 сентября 1772 г., 23 января 1793 г. и 24 октября 1795 г.), особое место занимает Польское национальное восстание, происходившее в 1863–1864 гг. Правда, отдельные конфликты инсургентов с царскими войсками продолжались вплоть до 1866 г. Во многом из — за дележ Россией, Австрией и Пруссией польских земель «... в начале XIX века возник «польский вопрос» как главный деструктивный фактор в национальной сфере Российской империи» (16, с. 151). Надежда большей части предводителей польских мятежников на вмешательство Европы в политику России ясно демонстрирует их ультимативно — сепаратистскую линию в отношении Петербурга. Работа революционных демократов и европейских монархов позиционировалась наряду с агрессией повстанцев в качестве основной опасности территориальной целостности империи (1). В то же время в СССР ученые осуждали действия царизма против польских сепаратистов и отстаивали теорию русско — польского повстанческого братства (7; 11). Деятельность западноевропейских союзников по защите интересов Царства Польского оценивалась как корыстная, не способствующая победе повстанцев над Россией. В современной российской историографии анализ отдельных аспектов Польского восстания характеризуется, на наш взгляд, неким «дореволюционно — коммунистическим» симбиозом, разносторонностью суждений в оценках (12; 13, с. 9–32; 14; 15; 17).

Ключевые слова: Польское восстание, Б. Н. Чичерин, М. Н. Катков, консерваторы, либералы, «польский вопрос», Европа, дипломатическая война.

Одним из самых важных факторов, способствовавших появлению и усилению антипольских настроений в России в период восстания в Царстве Польском и российском Западном крае, стало дипломатическое вмешательство стран Европы в «польский вопрос» весной и летом 1863 г. Секретом Полишенеля являлся тот факт, что одним из самых главных направлений внешней политики европейских государств было ограничение сфер влияния Российской империи на ее национальных окраинах, в особенности в Царстве Польском. Подвергая риску целостность сво-

их стран и собственную внутривнутриполитическую конъюнктуру, лидеры западного мира, не считаясь с этим, шли на новые международные геополитические авантюры. Данные намерения находили питательную почву в рваншистских настроениях европейских монархов, видимо, посчитавших, «... что нет более удобного времени, чтобы путем воздействия западной дипломатии принудить нас к всевозможным уступкам; почва для этих интриг была под рукой: избитый польский вопрос» (2, с. 11). Как показало дальнейшее развитие событий, главными проводниками антироссийской политики

в отличие от Прусского королевства и частично австрийской монархии являлись Великобритания в лице премьер — министра лорда Генри Пальмерстона и Франция, находившаяся под властью императора Наполеона III Бонапарта. Львиная доля дипломатической работы внешнеполитических ведомств этих стран строилась на перспективах дальнейшего политического, экономического и военного ослабления России. Касаясь реакции русского общества на польские события, обратимся к мнению авторитетного либерального деятеля, известного правоведа Б. Н. Чичерина [4, 6]. За четыре года до начала Польского восстания он писал: «Вопрос о народностях с каждым днем приобретает больше значения в Европе. Из Италии он перейдет в Германию, в Австрию, в Турцию и, наконец, дойдет и до Польши. Тогда соперники России воспользуются благоприятными обстоятельствами, чтобы нанести ей самый чувствительный удар» [1, с. 315]. Отсюда следует, что эти державы, представлявшие в XIX в. конгломерат разных национальностей и вероисповеданий, испытывали, согласно мнению Чичерина, идентичные российским проблемы — борьба национальных меньшинств за создание собственных государств с одной стороны и поддержание существующего строя, защита единства народов — с другой. Выступив в роли «политического Нострадамуса», русский либерал, как видно из его высказывания, предугадал дальнейший ход развития событий во взаимоотношениях России и Европы во время мятежа в бывшей Речи Посполитой. Ввиду возникшей угрозы войны с коалицией ведущих западных держав, нам представляется небезынтесным следующее высказывание Б. Н. Чичерина уже после начала мятежа о неизбежности и опасности нового для русской армии военного столкновения с Англией и Францией и о пробуждении патриотического духа русского народа. Либерал, который, по его словам, «... предпочел бы войну любому проявлению «податливости» (12, с. 97), провозглашал следующее: «Крымская война нужна была для правительства, новая война нужна для общества, и тогда в нас и следов не останется того сумасбродства, которое обуяло часть молодежи, которое, впрочем, начинается весьма проходить» (12, с. 98). В словах о необходимости «войны для общества» отчетливо, как мы считаем, прослеживается чичеринская идея о поиске общей парадигмы для слияния в единых целых людей различных сословий и противоположных политических взглядов. Поэтому наличие рационального зерна в словах московского правоведа не должно вызывать сомнений. Частично данный «рецепт» решения задачи по сплочению народа в интересах общей победы, также, как и замечание касательно национального вопроса в Европе и Царстве Польском, оказались пророческими. Интересно отметить, что в этом вопросе взгляды либерала Чичерина сходились с оценками консерватора М. Н. Каткова, который придавал огромное значение националь-

ной консолидации перед врагами России — польскими инсургентами, оследователями их идей внутри империи, — а также антирусской политикой Запада. В соответствии со своими представлениями о Польском восстании Катков, главный редактор газеты «Московские ведомости», рассуждал об ответной реакции верноподданнических кругов: «Организованному патриотическому движению в Польше мы должны противопоставить организованное патриотическое движение в России» (8, с. 165). Применительно к оценке воззрений Чичерина по нашей проблеме не было бы преувеличением утверждать, что «... охранительное значение патриотического подъема понималось не только Катковым» (8, с. 165). Хотя в начальный период «польского бунта» были опасения, что система координат Каткова была если не чужда, то, по меньшей мере, не совсем приемлема для Чичерина и его единомышленников — либералов. Во имя общей победы над врагами Отечества оба русских мыслителя, как можно предположить, смогли сфокусировать собственные взгляды в правильной точке, на время «зарыв топор войны». Здесь может возникнуть дилемма — относить ли Чичерина к либералам, окончательно перешедшим в 1863 г. в стан консервативных элементов? Либо просто считать его деятелем либерального толка, твердо стоящим на своих позициях, и только несколько скорректировавшим свои убеждения в свете всеобщего патриотического подъема в России во время восстания? И возможен ли третий вариант? На основе изложенной им позиции, мы допускаем, что склонность многих лидеров польского народа к вовлечению европейских полчищ в конфликт с Зимним дворцом, наглядно демонстрирует глубокую трансформацию идейных соображений Чичерина по «польскому вопросу» до и после развязывания мятежа — от нейтрально — положительных до воинственных. Поэтому, отвечая на вопрос о его политической принадлежности в период противостояния с Европой, мы, подчиняясь законам логики, причисляем Чичерина к активистам либерального движения, протянувшим трубку мира извечным оппонентам — консервативно — националистическим элементам — вследствие опасной для страны внутривнутриполитической и международной ситуации. Консервативная часть русской общественной мысли, по мере нарастания «мятежной волны» переставшей быть единственным центром доминирования в антиполонизме, вынуждена была, таким образом, делить место на пьедестале с либералами. Однако юристом — либералом констатировалось главенство Каткова в вопросе идеологического отпора европейским супостатам России: «Глашатаем этого охватившего всех движения сделался Катков, который через это приобрел необыкновенную силу. Это был набат, призывавший всех на защиту отечества» [6, с. 92]. В целом удачные для Александра II итоги дипломатического конфликта вполне удовлетворили Чичерина. Уже после сворачивания

Букингемским дворцом и Парижем контрпродуктивных действий в отношении Петербурга он «... выражал надежду, «что и впредь мы не сделаем ни малейшей уступки, готовые дать отпор всякому нападению». Образцом такой неуступчивости представлялась ему деятельность министра иностранных дел А. М. Горчакова...» (12, с. 97). Отдавая дань политической подкованности одного из символов русского либерального течения, В. А. Китаев замечает, что, являясь «спасителем» чести либерализма в России, «... Чичерин тем не менее не оказал практически никакого воздействия на формирование общественных настроений в связи с восстанием в Польше» (12, с. 96). Возможно, на наш взгляд, сыграло роль наличие в катковском арсенале столь мощного «печатного рупора», как «Московские ведомости» и отсутствие такового у Б. Н. Чичерина. В московской газете, редактором которой большинство российского общества причисляло к «передовым», велась активная пропагандистская война с западной печатью и внутренними врагами [5]. Вдобавок ко всему, Катков был едва ли не единственным представителем русской прессы, не входящим в органы государственной власти, который своими лозунгами склонял царя и его ближайшее окружение к силовому решению «польского вопроса», непримиримости во внешнеполитических маневрах. Отсюда следует, что в «... подъеме патриотических чувств русского народа» ... газета Каткова сыграла немалую роль именно как организующий центр национализма» (10, с. 49). Идеолог русского консерватизма формировал общественное сознание, внушал европейским государствам мысль о моральной и общественной поддержке разными слоями населения официальной политики властей в деле скорейшего подавления восстания. Очевидно, что дипломатическая война с Парижем, Лондоном и другими странами стала для большинства населения России своего рода катализатором появления новой национальной идеи. Подобные настроения подогревались «Московскими ведомостями», линчевавших лицемерную и неумную политику западных держав, посылавших в защиту Польши ноты протеста, и которые «... не могут согласиться между собой ни по одному существенному пункту польского вопроса» [5, с. 532]. Одновременно с этим следует обратиться к т.н. «теории невмешательства», которую с упорством, достойным уважения, декларировали в свою пользу беснующиеся западные политики. Согласно трактовке, М. Н. Каткова, ухитрившегося развернуть обстоятельства в выгодном для консерваторов направлении, та же «теория невмешательства не препятствовала западным державам вмешиваться очень деятельно в ход итальянского дела...» [2, с. 180]. Далее московским журналистом утверждалось, что «теория невмешательства не препятствует Англии управлять турецкими делами и забирать в свои руки греческую революцию; права народностей не помешали ей пристукнуть турецких славян, когда

они подняли было голову...» [2, с. 180]. Данные логичные утверждения вождя консервативной мысли необходимо, с нашей позиции, интерпретировать как призыв к монаршим домам Старого Света соблюдать в национальном вопросе рамки правого поля, играть по правилам, установленным ими самими. Катков встал, таким образом, за штурвал судна, державшего курс на безоговорочную победу над польским сепаратизмом и враждебными Отечеству государствами. По утверждению исследователя истории русского консерватизма В. Я. Гросула, «Польское восстание 1863–64 гг. было воспринято Катковым как сигнал для окончательного перехода в консервативный лагерь, и охранители в его лице получили основательную литературную силу...» (17, с. 223). Итак, консервативно — либеральный союз России четко дал понять Европе, что политическая модель Александра II заключалась в проведении дискуссий о бывших владениях Речи Посполитой только с участниками стран, допущенных в конце XVIII в. к дележке «польского пирога», — Пруссией и Австрией. Однако глубокое осмысление революционными демократами, главными противниками полноценного восстановления царской власти в Польше, внутривластной и международной ситуации привело их к тезису о недопущении содействия патриотическим силам в деле защиты Отечества и противостояния с европейскими армиями. Вершиной такой оценки положения дел стали суждения издателя революционной газеты «Колокол» А. И. Герцена о том, что «... для поступательного развития России в интересах народа... временная внешняя военная неудача менее опасна, чем внутренняя поддержка царизма» (6, с. 239). Подобные высказывания герценистов не только не способствовали притоку новых членов в русские революционные кружки, но и стали причиной отторжения от повстанческих идеалов многих либералов.

Таким образом, обобщим изложенное в нашей статье. Во — первых, при исследовании дипломатической конфронтации «Россия — Запад» в 1863 г. важно помнить о патриотично настроенных консервативно — либеральных тружениках пера, одержавших нелегкую победу в тяжелой информационной войне с европейской и польской эмигрантской печатью. Зачастую с их мнением относительно отстаивания национальных интересов вынуждены были считаться и правительственные чины. Во — вторых, анализируя деятельность либералов и консерваторов пореформенной эпохи, следует отметить единую патриотическую позицию Б. Н. Чичерина и М. Н. Каткова. Общим для этих мыслителей являлось осознание возможного наступления «западноевропейского ига» в случае уступок на дипломатическом фронте. Бескомпромиссность к идейным врагам, непримиримость в борьбе за сохранение целостности Российской империи, реши-

тельное неприятие западной политики по отношению к Царству Польскому были основными темами большинства передовиц катковского издания. Но, с другой стороны, либерал Чичерин в отличие от консерватора Каткова не стал тем общественным деятелем, с молчаливого одобрения правительства и поддержки антипольски настроенных граждан позиционировав-

шего свои взгляды как истину последней инстанции. И в-третьих, неудачи лидеров Франции, Великобритании и Австрии в противостоянии с Россией стали той точкой невозврата, после которой всем стало понятно, что политика «холодной войны», навязываемая европейцами русскому самодержцу, не приведет к ее ослаблению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ратч В. Ф. Польская эмиграция до и во время последнего мятежа 1831–1863 гг. Вильна: В типографии Р. М. Рома, 1866. 412 с.
2. Военные действия в Царстве Польском в 1863 году. Начало восстания (Январь, Февраль и первая половина Марта) / Составил С. Гескет. Варшава: Артистическая Типография Сатурнина Сикорского, 1894. 405 с.
3. Сидоров А. А. Польское восстание 1863 года. Исторический очерк. С.-Петербург: Издание Н. П. Карбасникова, 1903. 256 с.
4. Кулаковский П. А. Польский вопрос в прошлом и настоящем. С.-Петербург: Библиотека Украин России. № 3, 1907. 58 с.
5. Пирожников А. И. История 10 — го пехотного Новоигерманландского полка. Тула: Электротпечатня и типография Э. Д. Фортунатова, 1913. 426 с.
6. Базилева З. П. «Колокол» Герцена (1857–1867 гг.). М.: Госполитиздат, 1949. 296 с.
7. Китаев В. А. От фронды к охранительству (из истории русской либеральной мысли 50–60 — х годов XIX века). М.: Мысль, 1972. 288 с.
8. Фалькович С. М. Идеино — политическая борьба в польском освободительном движении 50–60 — х годов XIX в. М.: Наука, 1966. 334 с.
9. Киняпина Н. С. Внешняя политика России второй половины XIX века. Учеб. пособие. М.: «Высшая школа», 1974. 280 с.
10. Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия. М.: Наука, 1978. 280 с.
11. Смирнов А. Ф. Революционные связи народов России и Польши. 30–60 годы XIX века. М.: Соцэкгиз, 1962. 427 с.
12. Китаев В. А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов: Саратов. ун — т, 2004. 379 с.
13. Иванова С. И. Обсуждение «польского вопроса» на страницах периодических изданий 60 — х годов XIX века // Ежегодник Русско — Польского Института. № 1 (2). Вроцлав: Фонд «Русско — польский институт», 2012. 9–32 сс.
14. Тесля А. А. «Польский вопрос» в публицистике М. Н. Каткова 1863 года. http://www.hrono.ru/statii/2011/tes_katkov.php
15. Тесля А. А. Значение 1863 года в истории русской общественной мысли. <http://www.hrono.ru/statii/2011/tes1863.php>
16. Ананьев С. В. Украинский аспект Польского восстания 1863 года: забытые уроки прошлого // Вестник СГТУ. № 3 (76). Саратов: СГТУ, 2014. 150–154 сс.
17. Гросул В. Я., Итенберг Г. С., Твардовская В. А., Шацкило К. Ф., Эймонтова Р. Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс — Традиция, 2000. 340 с.
18. Арсланов Р. А. Народность и национальный вопрос в воззрениях российских либералов пореформенной эпохи // История народов России: Материалы XV Всероссийской научно — практической конференции. М.: РУДН, 2011. 30–41 сс.
19. Валицкий А. Россия, католичество и польский вопрос. М.: Издательство Московского университета, 2012. 624 с.
20. Искра Л. М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве, истории. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. 216 с.
21. «Российский архив»: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII — XX вв. Альманах: Вып. XIII. М.: Редакция альманаха «Российский Архив», 2004. 544 с.
22. Катков М. Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.
23. Катков М. Н. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 584 с.
24. Чичерин Б. Н. Польский и еврейский вопросы. Ответ на открытые письма Н. К. Ренненкампа. Берлин: Издание Гуго Штейниц, 1899. 56 с.
25. Ренненкампф Н. К. Польский и еврейский вопросы. Открытые письма Б. Н. Чичерину. Киев: Типо — литогр. Высоч. утвержден. Т — ва И. Н. Кушнерев и К, 1898. 84 с.
26. Катков М. Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1863 год. М.: Издание С. П. Катковой, 1897. 785 с.
27. Чичерин Б. Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Московский университет. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1929. 280 с.
28. Собрание литературных трудов Александра Константиновича Гейнса. Т. III — й. С.-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. 524 с.
29. Виленский Временник. Книга VI. / Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо — Западного края. Ч. 1. Переписка по политическим делам гражданского управления с 1 января 1862 по май 1863 г. Вильна: Губернская Типография, 1913. 464 с.

© Хегай Виктор Климентович (khegay81@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»